

Александр Осипов

Современный антирасизм – решение проблемы или часть проблемы? *

Термин «антирасизм» здесь совершенно условен. В мире немало организованных структур и идейных течений, которые обозначают или согласились бы обозначать себя таким именем, но нет ничего, чтобы даже отдаленно напоминало бы единую идеологию или общественное движение. Имеется множество организаций и инициатив, которые в разных выражениях и по разным поводам декларируют борьбу за равенство людей независимо от их этнической или расовой принадлежности. Однако, обнаруживается, что эти весьма разные феномены общественной мысли и практики в разных, казалось бы, условиях, формируют не только сходные повестки дня, но прodelьвают аналогичные эволюции и проявляют независимо друг от друга одинаковые реакции на поставленные для себя задачи.

Тиражирование одних и тех же подходов и мыслительных схем, с одной стороны, в глобальном масштабе, с другой - в разных и относительно независимых контекстах вполне заслуживает внимания. Интерес вызывается по меньшей мере двумя причинами. Во-первых, то, что я здесь обозначаю как глобальный антирасизм, наглядно иллюстрирует всю относительность противопоставления условно «либерального» (основного на примате индивидуальной автономии и свободы) и условно «социалистического» (основного на патерналистском распределении благ) понимания прав человека. Точнее, борьба за равенство, изначально вдохновленная идеалами индивидуальной свободы и личного достоинства, относительно быстро воспринимает коллективистскую логику социалистического распределительного подхода и поддерживает требования государственного вмешательства в неофициальную сферу и даже частную жизнь.

Во-вторых, антирасизм интересен тем, как и по каким причинам он создает своеобразный замкнутый круг, накрепко соединяющий воедино условную «проблему» и условное «решение». Причем, этот круг носит не только умозрительный логический характер, но создает тупики и ловушки на практике.

Что означает слово «проблема», вынесенное здесь в заголовок? Означает то, что сами сторонники антирасизма определяют в негативном ключе, как состояния или процессы, которые должны быть преодолены. Что означает «часть проблемы»? То, что предлагаемые решения означают воспроизведение тех же самых состояний или процессов, которые изначально оценивались как подлежащая решению «проблема».

«Расизм» в последние десятилетия постепенно лишается коннотаций, связанных исключительно с биологией, и становится необычайно широким понятием. В общем плане последнее означает насилие и дискриминацию по расовому или этническому признаку, а также идеи, оправдывающие такое насилие и дискриминацию [1]. Иными словами, термин отсылает к посягательству на равенство в самых разных степенях и формах – от символических до организованных и насильственных – и по разным поводам, связанным с происхождением, этничностью и культурой [2]. Соответственно, собирательное название «антирасизм» хорошо подходит для подчеркивания того, что в данном контексте речь идет только о (не)равенстве по тем признакам, которые связаны с расовым и этническим делением, а не с чем-либо еще.

Условный «антирасизм» представлен широким кругом акторов, различающихся по истории возникновения, объектам приложения сил и пониманию своих целей и задач. К этому кругу можно отнести неправительственные организации, включая движения самих жертв дискриминации или этнических меньшинств, правительственные институты, суды, международные организации, академическое сообщество. Едва ли можно говорить, что у антирасизма есть единая и непротиворечивая повестка. Кто-то борется с дискриминацией афроамериканцев в Северной Америке, кто-то защищает коренное население, кто-то отстаивает права цыган/рома, кто-то – иммигрантов и беженцев, кто-то изучает или пропагандирует мультикультурализм и толерантность. О современном антирасизме как глобальном явлении можно говорить только в том смысле, что некоторая комбинация идей, подходов, представлений и терминов получает универсальное распространение. Эти идеи и представления можно встретить в разных частях света, в разных институциональных и профессиональных средах, по поводу разных групп и категорий. Что более интересно, сходные логические конструкции появляются в рамках разных подходов к концептуальной организации этнических различий – является ли опорным концептом «защита меньшинств», «права коренных народов», «противодействие дискриминации» или «мультикультурализм».

Понятие «равенство» не имеет единого и неизменного понимания, в том числе не совсем одинаковые подходы к интерпретации этого понятия проводятся в различных национальных правовых системах и международных инструментах [3]. Императивное требование равенства людей как человеческих существ вообще независимо от групповой, географической или классовой принадлежности получило универсальное признание, по сути, недавно, только после Второй мировой войны. Но дело не только в относительной исторической молодости идеи. Любая попытка сформулировать требования равенства сталкивается с тем обстоятельством, что все люди фактически неравны по множеству врожденных или приобретенных характеристик. Отсюда вытекает вечная дилемма относительно приоритетности формального равенства (или – шире – равенства в обращении) либо содержательного равенства, которое в общем виде может пониматься как равенство в доступе к благам [4].

Неравное обращение может рассматриваться как несправедливость; напротив, одинаковые требования к людям, находящимся в неравном положении, также могут считаться несправедливыми и также воспроизводить неравенство. В этой связи широко известны метафоры из мира спорта. Можно представить себе, например, гипотетическое соревнование по бегу при честном соблюдении единых для всех правил между профессиональным легкоатлетом и одноногим инвалидом или поединок на ринге между чемпионом мира по боксу и любителем-подростком. Полностью равное отношение к людям, игнорирующее любые различия, не осуществимо в принципе, иначе было бы невозможным правовое и вообще любое социальное регулирование.

Вопрос о приемлемости или неприемлемости различного обращения в общем плане решается в соответствии с известными формулами Аристотеля: «равным – равное, неравным – неравное» и «для неравных равное стало бы неравным». К людям, находящимся в сопоставимом положении, необходимо подходить с одной меркой, то есть с одинаковыми требованиями; напротив, требуется учитывать существенные для определенной ситуации различия между людьми, что предполагает неравное обращение. В переводе на современный правовой язык требование равенства означает обеспечение для людей равной степени свободы и достоинства [5]. В конкретных ситуациях это может означать требование как равного, так и неравного обращения, причем последнее порой рассматривается как средство компенсации за неблагоприятные условия, в которых оказываются определенные люди или категории людей.

Подобная формула, ясная и понятная в самом общем виде, на практике, в конкретных обстоятельствах, создает немало трудностей. Всегда возникают вопросы о том, как измерить и вычислить равную степень свободы и достоинства, как определить, насколько и по каким показателям те или иные ситуации сопоставимы, и какое именно обращение является равным или неравным. В частности, трудности связаны с корреляциями между принадлежностью к определенной статистической категории и теми или иными социальными характеристиками. Люди, относимые к какой-либо этнической или расовой группе, в силу каких-либо исторических обстоятельств могут статистически отличаться от другой группы, например, по степени владения официальным языком, по уровню образования, профессиональному составу, характеру расселения и пр. Соответственно, требования, ограничения или процедуры, которые являются внешне нейтральными и прямо не проводят различия по этническому признаку, могут оказывать статистически неодинаковое воздействие на разные группы. Следует ли рассматривать подобное неравенство результатов как неравное отношение или как следствие необоснованно равного обращения? На такой вопрос тоже даются разные ответы[6].

Общую картину осложняет то, что на решение вопросов относительно выбора равного или неравного обращения влияют привходящие обстоятельства, такие, как значимые общественные интересы. Подобное оказывается весьма существенным как с точки зрения политической конъюнктуры, так и общеправовых теорий справедливости. Например, в теории справедливости Дж.Роулса неравенство может быть оправданным, если оно позволяет максимизировать сумму благ, получаемых всеми членами общества[7]. С точки зрения Верховного Суда США по делу Коремацу[8] об интернировании японцев по происхождению (1944), расовая классификация и ограничение прав по расовому признаку в принципе противоречат Конституции. Однако, они могут признаваться допустимыми, только если преследуют настоятельный публичный интерес (*compelling public interest*), а таковым могут считаться, в частности, требования национальной безопасности во время войны.

Дискриминация в самом общем виде может определяться как необоснованное посягательство на равенство. Как видно из изложенного выше, дискурс равенства, по сути дела, не существует как самостоятельная сущность, а является компонентом дискурса справедливости. В качестве несправедливого, а значит дискриминационного может оцениваться как неравное, так и равное обращение. Соответственно, возникают концепции, которые в законодательстве ряда европейских стран, а также в институтах Евросоюза и Совета Европы получили название так называемой «прямой» и «косвенной» дискриминации[9]. «Прямая» дискриминация означает различное на основании какого-либо классифицирующего признака обращение с людьми и коллективными образованиями, приводящее к неблагоприятным последствиям для одной из сторон, между которыми проводится различие, и носящее произвольный и необоснованный характер. «Косвенная» дискриминация означает нейтральные в отношении какого-либо классифицирующего признака требования, правила или практики, которые оказывают сравнительно неблагоприятное в статистическом отношении воздействие на членов группы, выделяемой на основании этого классифицирующего признака, по сравнению с другой такой же группой при условии, что это требование, правило или практика являются лишены разумного и объективного обоснования. Например, внешне нейтральное условие о приеме на работу в полицию мужчин не ниже определенного роста исключает те этнические группы, среди которых преобладают низкорослые люди.

На первый взгляд, теоретические и практические проблемы, связанные с равенством, не являются уникальными. И в политике, и в праве решение конкретной задачи предполагает одновременный учет и совмещение разных, нередко противоречащих одна другой цели. В

рассматриваемом случае, в частности, на повестке дня оказываются столь разные вещи, как защита достоинства индивида от внешних посягательств и обеспечение социального равенства, притом, что оба концепта могут определяться по-разному. В праве и политике решение конкретной задачи в идеале означает нахождение в определенном месте в определенное время приемлемого для игроков баланса между конфликтующими принципами, между разными интересами и между предполагаемым соотношением приобретений и издержек. Если результатом компромисса является некое нормативное предписание, то оно не может быть детальной инструкцией на все случаи жизни; правовые и иные социальные нормы могут задать лишь общие рамки для дальнейших конкретных решений. Компромисс не является чем-то вечным – установленное равновесие подвижно; оно перманентно переосмысляется и переопределяется. И понятно, что дилеммы (в данном случае касающиеся равного или неравного обращения) в зависимости от многих обстоятельств на деле могут иметь разное решение.

Однако, ситуация с равенством по расовому или этническому признаку представляется достаточно своеобразной, поскольку принципиальная разница между тем, что обозначается как «проблема» и тем, что предлагается как «решение», не очевидна. Здесь и далее речь не идет о том, что мы наблюдаем какое-то отклонение от «верного» понимания проблем равенства и дискриминации, вызванное чьими-либо ошибками или недопониманием. Напротив, я готов утверждать, что все обсуждаемые схемы вполне логичны и обоснованы, и этим объясняется их устойчивость и повторяемость. Невозможность выйти за весьма узкие рамки предопределена теми базовыми подходами и допущениями, из которых исходят участники воображаемых глобальных дискуссий о равенстве и дискриминации.

К наиболее существенным из этих базовых допущений я бы отнес «группизм» и культурализацию социального, или культурдетерминизм. «Группизмом» (groupism) Р.Брубейкер называет определенную перспективу рассмотрения социальной реальности, которая предполагает восприятие групп по умолчанию в качестве целостностей, имеющих внутреннюю структуру, выступающих в качестве агентов социального действия и отделенных устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей^[10]. Культурализация социального означает истолкование социальных феноменов в терминах культуры и культурных различий.

Еще полвека назад прямая, организованная, открытая и санкционированная государством расовая дискриминация была глобальным феноменом, главным образом, благодаря колониальной системе, в рамках которой жители колоний были сегрегированы относительно граждан метрополии, а разные группы колониального населения имели разный правовой статус. Система колониализма, а еще ранее – система работорговли и рабства, сыграли большую, если не решающую роль в складывании идеологии расизма как представления о существовании различных в биологическом отношении и наделенных в силу этого разными социальными качествами «рас»^[11].

Здесь и далее речь пойдет в основном об опыте США, поскольку именно там интересующие нас тенденции получили наиболее полное развитие, а происходящее в остальном мире в той или иной степени воспроизводит американские достижения и противоречия. Более того, весьма авторитетные эксперты, например Алистер Бонне, утверждают, что США и находящиеся под их контролем институты, такие, как Всемирный Банк, активно навязывают в разных регионах мира американское видение проблем расизма и дискриминации^[12]. Как бы там ни было, Соединенные Штаты являются безусловным законодателем мод в дискуссиях о расизме и расовой дискриминации, в антидискриминационном законодательстве и в проведении

общественных кампаний против дискриминации. Причины этого различны, и одна из них в том, что именно в США расовая и этническая дискриминация приобрела наибольшие размах и разнообразие по формам и проявлениям.

Американская демократия появилась на свет с родовой травмой – в стране существовало узаконенное рабовладение. После отмены рабства, закрепленной XIII Поправкой к Конституции США (1865), система сегрегации и подавления афроамериканцев в южных – бывших рабовладельческих – штатах не исчезла. Ограничения, собирательно называемые Jim Crow [13], касались многих сторон жизни чернокожих, вплоть до требования отдельных школ, отдельного пользования общественным транспортом и запрета в ряде штатов до конца 1960-х смешанных браков с черными под страхом уголовного наказания [14]. Некоторое время после Гражданской войны на Юге действовали даже так называемые «черные кодексы», то есть своды законов, регламентирующие положение тех, кого в силу происхождения определяли как «черных» [15]. В северных штатах чернокожие (обозначаемые также как «негры», «черные» или «цветные») оказались в низу социальной лестницы и, образуя самую бедную прослойку главным образом городского населения, подвергались различным формам дискриминации [16].

Хотя не было недостатка в оправданиях такого положения вещей, основанных на идеях превосходства белых и неполноценности других «рас», официальная позиция, отраженная в частности, в решении Верховного Суда США по делу *Fergusson v. Plessy* о сегрегации в поездах, сводилась к тому, что разделение рас проводится в интересах их мирного и гармоничного сосуществования и должно основываться на принципе «разделенные, но равные» (*different but equal*) [17].

Дискриминация затрагивала не только афроамериканцев. До 1924 года индейцы не считались гражданами США, и независимо от этого также сталкивались с множеством ограничений. Существовала официальная расовая классификация, и в соответствии с ней до 1965 года строилась иммиграционная политика; представители «небелых» рас долгое время были лишены права на натурализацию, их иммиграция ограничивалась, а получение права на въезд в США для представителей некоторых народов, например, китайцев, облагалось (как и в Канаде) особым подушным налогом. Периодически, начиная с середины XIX века, возникали антииммиграционные кампании, направленные на разные национальные группы, первой из которых стали ирландцы. В 1920-е годы в ряде университетов вводились процентные квоты на прием евреев. Во время Второй мировой войны интернированию подверглись все японцы по происхождению [18].

Дискриминация исходила от федеральных властей, властей штатов, местных властей, корпораций, профессиональных организаций, частных лиц; она проявлялась едва ли не во всех сферах жизни – при проведении выборов, на жилищном рынке, на рынке труда, в образовании, в доступе к товарам и услугам, в возможностях членства в профессиональных организациях. Дискриминация могла быть прямой и косвенной (в современном европейском понимании): наряду с прямыми запретами и ограничениями против определенных групп появлялись меры, преимущественно направленные против афроамериканцев или азиатов, но оформленные так, чтобы скрыть эту направленность. Известны такие приемы, как тесты на грамотность, ограничивавшие избирательные права или доступ к тем или иным профессиям, ограничительные условия аренды жилья, направленные против неполных семей, политика городского зонирования, направленная на сегрегацию наиболее бедных слоев населения, политика риэлтерских агентств и страховых компаний, известная как *redlining* – установление особых, дискриминационных условий для районов, населенных преимущественно «цветными», и др. [19] Таким образом, дискриминация была многообразной по формам, вездесущей, глубоко

эшелонированной, поддержанной государством и судебной системой, воплощенной в рутинных общественных отношениях и идеологически обоснованной со стороны политиков и науки, а также здравого смысла обывателя.

Основным объектом дискриминации были афроамериканцы, соответственно движение против дискриминации (известное как движение за гражданские права) выступало в основном в защиту чернокожих. В период своего наибольшего расцвета и наибольших успехов – в 1940-е – первой половине 1960-х годов – именно за отмену всех и всяческих расовых ограничений и предпочтений и за равенство в обращении [20]. Собственно, эту повестку дня в то время разделяли антиколониальные движения, многие новые независимые страны и международные организации. Разрабатывавшиеся тогда в системе ООН договоры по правам человека, в том числе Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации были недвусмысленно направлены против прямой дискриминации. Движение за гражданские права в США использовало разные тактические приемы, включая петиции, кампании гражданского неповиновения, судебные иски, совместные действия с белыми либералами. В 1940-е годы администрация США проводит десегрегацию армии и других федеральных институтов; в 1950-х годах после рубежного решения Верховного Суда по делу Брауна (1954) [21] начинается десегрегация школьного образования; наконец, в 1964 г. принимается Акт о гражданских правах, а несколько позже – другие федеральные законы, запрещающие дискриминацию в избирательной системе (1965) и жилищных отношениях (1968) [22]. Эти законы вместе с рядом судебных решений и мерами исполнительной власти в основном кладут конец прямой и явной дискриминации. Открытые запреты и ограничения уходят в прошлое, в частности, ликвидируются после решения Верховного Суда по делу Лавинг (1967) запреты на смешанные браки [23].

Достигнутые результаты были противоречивыми, вызывали с разных сторон жесткую критику и недовольство, что выдвинуло на повестку дня новые проблемы.

Если дискриминация не проводилась явно, то оспаривание тех или иных действий или мер как дискриминационных в судебном порядке, через Комиссию по гражданским правам и иные независимые органы регулярно сталкивалось с трудностью доказывания. Эта проблема не является специфически американской, а возникает везде, где ставится задача противодействия дискриминации. Дискриминация, как правило, носит латентный и неочевидный характер. Даже если даже исключения и предпочтения имеют расовую или этническую мотивацию, то последняя не демонстрируется открыто. Кроме того, в конкретной ситуации мотивация может иметь сложный характер, и обычно бывает нетрудно доказать, что решение, неблагоприятное для того или иного лица, было обусловлено законными и оправданными соображениями. Далее, отношения сторон обычно асимметричны: обычно тот, кто обвиняется в дискриминации, занимает более сильные социальные позиции и имеет больше возможностей защиты своих интересов. Работодатель, владелец жилья, администрация, представители полиции могут скрывать неблагоприятную для себя информацию; напротив, предполагаемая жертва дискриминации лишена возможности самостоятельно найти и представить доказательства дискриминационного обращения, если таковое имело место.

Соответственно, в судебной практике произошло постепенное снижение стандартов доказывания. Наивысший стандарт – «вне разумных сомнений» (beyond a reasonable doubt) заменяется более щадящим для истцов принципом «сравнения вероятностей» (balance of probabilities) [24]. Американская судебная система (а следом за ней другие национальные правовые системы и международные организации) исключают из доказывания дискриминации необходимость учета субъективной стороны дискриминации, то есть

формы вины, мотива и цели[25]. Две основные схемы доказывания дискриминации – через свидетельство неравного обращения (disparate treatment) и неравного эффекта от каких-либо деяний (disparate impact) – строятся на допущениях, абсолютно немислимым с точки зрения социолога. Из установки (демонстрируемой, например, неодинаковым отношением к разным расовым группам) не обязательно вытекает действие; достигнутое фактическое состояние (например, этнические диспропорции) может интерпретироваться различным образом и необязательно выводиться и определенного действия; между тем, доказывание дискриминации строится именно на постулировании таких причинно-следственных связей. Но подобный подход совершенно логичен, собственно, все право строится на допущениях и фикциях[26]. Более того, суды в США, а затем и других странах начинают принимать косвенные доказательства (circumstantial evidence), принцип исключения (дискриминация считается доказанной, если исключены иные объяснения) и даже «обыденное знание» (common knowledge), то есть обстоятельства, которые суд оценивает как «общепризнанные»[27].

Появляются схемы, означающие перенос основного бремени доказывания на ответчика. В принципе, с точки зрения общей правовой теории в таком подходе нет ничего необычного. В разных правовых системах (и в континентальной, и в системах общего права) в гражданском праве в отличие от уголовного действует презумпция вины причинителя вреда. Дискриминационное обращение рассматривается как причинение вреда. Истец демонстрирует суду, что он/она был(а) поставлена в особое положение и тем самым ему/ей был причинен вред. Далее ответчик вынужден доказывать, что его действия не носили дискриминационного характера.

Перенос бремени доказывания в делах о дискриминации на ответчика был в той или иной форме воспринят разными национальными правовыми системами и даже международными организациями[28]. Последовательно и недвусмысленно этот принцип был закреплен в директивах по вопросам равенства и недискриминации, принятых Советом Европейского Союза, в том числе Директиве Совета Европейского Союза № 2000/43/ЕС от 29 июня 2000 г. «Об обеспечении выполнения принципа равенства людей независимо от расовой или этнической принадлежности». Соответственно, это требование нашло отражение в национальном антидискриминационном законодательстве стран – членов ЕС[29].

Из международных организаций наиболее осторожную и консервативную позицию относительно доказывания дискриминации традиционно занимал Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ)[30]. В практике ЕСПЧ дискриминация рассматривается как проведение различия при отсутствии разумного и объективного обоснования, и основное бремя доказывания дискриминации возлагается на заявителя. Заявитель должен продемонстрировать, что имело место проведение различий в обращении и что ситуации, различие между которыми рассматривается, сопоставимы. В свою очередь, государство - ответчик должно продемонстрировать, что проведение различия имеет разумное и объективное обоснование[31]. При этом суд применяет наивысший стандарт доказывания beyond a reasonable doubt; этот подход вызвал серьезные разногласия среди самих членов ЕСПЧ при принятии решения по делу «Ангелова против Болгарии»[32].

При рассмотрении сходного «цыганского» дела «Начова и другие против Болгарии» в 2004 г.[33] ЕСПЧ решился без преувеличения на революционный поворот. Дело касалось убийства двух молодых дезертиров при их задержании офицером военной полиции. Молодые люди были цыганами по происхождению, и заявители утверждали, что в деле были основания полагать, что применение оружия на поражение могло быть мотивировано этнической неприязнью. Палата Европейского Суда 26 февраля 2004 г. в

числе прочего установила, что имело место нарушение ст.14 Конвенции о правах человека и основных свободах (касающейся запрета дискриминации), взятой в сочетании со ст.2 Конвенции (право на жизнь). Поскольку правительство Болгарии не представило доказательств того, что применение оружия представителем власти *не было мотивировано расовой неприязнью*, суд признал нарушение материальных аспектов ст.14. Помимо этого, из того, что в ходе следствия исчерпывающим образом не были исследованы расовые мотивы деяния, суд счел бездействие и неучет специфики ситуации со стороны следствия, то есть отсутствие должной дифференциации, нарушением ст.14 в процессуальном смысле. При дальнейшем рассмотрении Большая палата ЕСПЧ пришла к менее радикальным выводам и указала на нарушение только процессуальных аспектов ст.14 в сочетании со ст.2 Европейской конвенции. Дело «Начова и другие против Болгарии» указывает, таким образом, на то, что ЕСПЧ постепенно может склониться к общей тенденции, проявившейся в Европейском Союзе и многих национальных судах – презумпции дискриминационного обращения, если речь идет об этническом меньшинстве, и переноса бремени доказывания на ответчика.

На практике презумпция дискриминационного обращения распространяется не на всех, а на представителей тех групп, которые суд готов рассматривать в качестве «меньшинств». Таким образом, в умозрительную конструкцию запрета дискриминации вводится дополнительный компонент – этническая группа, причем группа, члены которой заведомо склонны оказаться в положении жертв дискриминации. Защита от дискриминации, таким образом, теряет свой всеобщий и универсальный характер и опосредуется идеей меньшинства и «реальной» принадлежности лица к этому меньшинству. В этом нетрудно усмотреть вполне прагматичную логику судов и других органов государства. Дискриминация распределяется статистически неравномерно – больше шансов подвергнуться дискриминации оказывается у представителей вполне определенных и распознаваемых в данном обществе групп. Ориентация только на понятные «модельные» ситуации позволяет игнорировать малосущественные и надуманные претензии относительно дискриминационного обращения.

Идея группы внедряется и с помощью конструкции «косвенной дискриминации». В Соединенных Штатах «косвенная дискриминация» (indirect discrimination) не является правовым понятием, а применяется в социологической литературе для описания побочных последствий имевшей некогда место дискриминации[34]. Для обозначения того, что в Европе, а теперь уже и в международных организациях называют indirect discrimination, в США используется понятие «неравный эффект» (disparate impact). Но этот термин имеет непростую этимологию и разные значения. Комиссия по гражданским правам – независимый орган, сформированный Президентом США – с 1964 года использовал disparate impact в материальном смысле, для обозначения внешне нейтральных правил и процедур с неравным эффектом для разных расовых групп[35]. Собственно, такую возможность открывал Акт о гражданских правах 1964 г. – он не предлагал определения дискриминации, а приводимые там формулировки предполагают достаточно широкие интерпретации. Для судов же disparate impact является процессуальным понятием и означает одну из схем доказывания дискриминации[36] и распределения бремени доказывания через установление факта неравных результатов для разных расовых групп предположительно от оспариваемых правил или действий.[37] Эта схема применима не обязательно к косвенной (в европейском понимании) дискриминации; с ее помощью можно доказывать и прямую дискриминацию. Просто доказывание проходит через установление факта неравного воздействия, а ответчику приходится доказывать, что либо эффект вызывается не оспариваемой мерой, а чем-то иным, либо что установленные правила или процедуры законны и обоснованы[38]. Справедливости ради надо заметить, что американский disparate impact хронологически предшествует европейской indirect

discrimination; американское понятие, перелетев в начале 1970-х через Атлантику, из процессуального превратилось в материальное[39].

В любом случае, принимаются представления, что дискриминационными могут считаться нейтральные правила или процедуры, а статистические диспропорции могут рассматриваться как *prima facie* (первоначальный) признак дискриминации, то есть, обстоятельство, переносящее на ответчика бремя доказывания того, что дискриминация не имела место. Но для получения представления о диспропорциях необходимы данные об этническом или расовом составе населения в целом и тех или иных социальных групп – работников, учащихся, жильцов, государственных служащих и пр. – и соответствующий статистический учет. Кроме того, статистические данные об этнической принадлежности людей необходимы для проведения и оценки результатов так называемых «позитивных мер», направленных на исправление диспропорций между группами. Таким образом, требуются механизмы учета индивидуальной этнической принадлежности, и требуется определенная достаточно жесткая групповая классификация, признаваемая государством и судебной системой[40]. Кроме того, идея противодействия косвенной дискриминации имплицитно предполагает определенную таксономию групп и разделение их на те, которые находятся в более и менее благоприятном положении, иными словами, нуждаются или не нуждаются в защите.

Равенство в обращении в США было достигнуто сравнительно быстро; точнее, быстро исчезли легко идентифицируемые и доказуемые практики прямой дискриминации. Однако, в положении тех, кто страдал от дискриминации в наибольшей степени, то есть черных, не произошло существенных изменений: они остались в низу социальной пирамиды. Собственно, проблемы «цветных» в значительной степени остаются нерешенными до настоящего времени. Несмотря на рост афроамериканского среднего класса, «черные» существенно отстают от других групп по уровню доходов, образованию, степени представленности в бизнесе и квалифицированных профессиях. Напротив, они составляют основное население городских гетто[41] и непропорционально часто попадают в поле зрения правоохранительных органов как нарушители закона. Формальное равенство не решило проблему социального лифта и шире – интеграции[42]. О необходимости решения этой проблемы настоятельно напомнили бунты, прокатившиеся по ряду крупных городов Америки в середине 1960-х годов и сильно напугавшие правящую верхушку[43].

В администрации президента США и в Комиссии по гражданским правам о необходимости специальных, так называемых «позитивных», или «аффирмативных» (affirmative) мер для исправления дисбалансов между расовыми группами, то есть создания преимущественных условий для представителей угнетенных в прошлом и социально ущемленных афроамериканцев[44]. Понятие «позитивные» меры охватывает различные практики и не сводится к пресловутым «квотам»[45]. Так же, не вполне корректным является расхожее выражение «обратная дискриминация», поскольку зачастую речь идет не о создании преимуществ людям, относящимся к «слабой» группе, а о стимулировании их более активного вхождения на рынок труда и образовательных услуг или о ликвидации неформальных социальных барьеров на пути полноценного включения в жизнь общества[46]. С бюрократической точки зрения, «позитивные» меры могут быть направлены на определенные, четко идентифицируемые и поддающиеся учету группы. Аналогичную точку зрения выражали суды, предпочитавшие рассматривать дискриминацию не вообще, а по отношению к конкретным группам.

Произошла важная подмена тезиса. В Акте о гражданских правах 1964 года речь идет о дискриминации по признакам расы, пола, религии и национального происхождения. Во

всех других антидискриминационных законах также нет упоминания о каких-либо группах. Но на практике и исполнительная власть, и суды ввели в обращение понятие «защищенный класс» [47]. Аффирмативные действия имеют целью продвижение только представителей «защищенных классов», а в делах о дискриминации истцу необходимо доказывать суду свою принадлежность к таковой категории. Аналогичный подход, то есть признание только ограниченного числа защищаемых категорий, позднее приняли административная юстиция и суды в Соединенном Королевстве [48].

Аффирмативные меры в разных формах проводились в жизнь фактически с начала 1960-х годов и проводятся по настоящее время. С конца 1970-х годов после решения Верховного Суда по делу Бэки (1978) [49] открыто устанавливаемые квоты в основном отошли в прошлое, но скрытые квоты продолжают применяться [50]. Сохраняются и иные механизмы, смысл которых сводится к созданию преимущественных условий для представителей «защищаемых категорий», к которым относятся афроамериканцы, индейцы и в отдельных ситуациях другие меньшинства. Расовые преференции касаются найма на работу, продвижения на рабочих местах, приема в университеты, предоставления правительственных контрактов фирмам, владельцами которых являются «цветные». Можно назвать два основных фактора, которые обеспечивают распространенность «позитивных» мер. Первый – это подряды и контракты, которые заключают с частными фирмами федеральные службы, правительственные учреждения штатов и муниципальные власти. Условием предоставления таких подрядов и контрактов является проведение «позитивных» мер, публичные контракты – это огромный объем средств, поэтому фирмы соглашаются на поставленные условия, поскольку выгоды перевешивают возможные издержки. Второе обстоятельство заключается в том, что любой иск о дискриминации угрожает ответчику, даже при благоприятной для него перспективе процесса, большими издержками, и фирмы предпочитают принимать превентивные меры [51].

Сторонники «аффирмативных» мер в общем справедливо отклоняют многие упреки своих оппонентов: традиционные практики отбора, найма и продвижения не означают выбор лучших из возможных претендентов, но просто отражают привычки и стереотипы тех, кто делает выбор; с другой стороны, предпочтение, оказываемое расовым меньшинствам, не значит, что будут выбраны худшие кандидаты, просто такие предпочтения являются способом сломать прежнюю рутину, оставляющую меньшинства за бортом [52]. Но в любом случае оказывается, что расовая или этническая принадлежность является не личным делом (и не совсем делом личного выбора) [53], а предметом публичного интереса, причем принадлежность к группе оказывается обстоятельством, которое может определять жизненные шансы человека. Некоторые меры могут граничить с вмешательством в частную жизнь. Так, со второй половины 1960-х годов во многих штатах проводилась активная десегрегация школ. Поскольку «белое» население в основном пространственно отделено от «цветного» (первое в основном сосредоточено в пригородах, последнее во внутренних городских районах), проводится политика перемешивания учеников посредством ограничения права на выбор школы и организации системы автобусных перевозок учеников, что требует немалых сил и средств [54].

Аффирмативные меры оказываются направленными на расовые или этнические категории независимо от социального положения тех людей, кто к ним относится, и не обязательно на тех, кто реально нуждается в помощи. Критика подобного распределения социальной помощи отклоняется доводами того же административного здравого смысла: учет индивидуальных ситуаций и потребностей отдельно взятых людей технически очень сложен и влечет за собой немалые издержки, поэтому оказывается более выгодно оперировать большими и относительно просто идентифицируемыми категориями [55].

Здесь уместно привести другой пример – современную работу Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации. Нетрудно убедиться, что Комитет мало занимается дискриминационными практиками в узком смысле, установленном Конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Индивидуальных жалоб в принципе немного (за все время существования комитета к июню 2008 г. их набирается 41), и их большая часть либо признана неприемлемыми, либо Комитет не усмотрел нарушения Конвенции[56]. В Заключительных рекомендациях по результатам рассмотрения докладов стран, в Общих рекомендациях и в резолюциях, касающихся срочных и превентивных мер, как правило, речь не идет о дискриминации в смысле определенно квалифицируемых исключений и предпочтений. Комитет высказывается либо о проблемных областях, где дискриминация *может* существовать (например, пенитенциарной системе), либо о проблемах отдельных групп (как беженцев, коренных народов или рома).

На практике обнаружилось, что провести определенную границу между намеренной прямой дискриминацией и спонтанными процессами, ведущими к этническим и расовым диспропорциям, очень непросто, если вообще возможно. Множество исследований показывает, что стратификация вызывается своего рода «невидимой рукой рынка» - недостатком социального капитала[57] и символического капитала, сетевыми эффектами и социальными границами (то есть, тем, что вертикальная мобильность определяется включенностью в социальные сети, к которым в силу разных причин не принадлежат меньшинства)[58]. Среди причин диспропорций может быть осознанная дискриминация, но также, если кто-то принимает неблагоприятное решение в отношении представителя расового меньшинства (например, отказывает в приеме на работу), это не обязательно мотивируется расовыми предубеждениями и вообще осознается как выбор на основе расовых критериев. Как минимум, не менее вероятно, что неудачливый претендент не соответствует неким стереотипным представлениям того, кто принимает решение, о, например, «хорошем» работнике[59]. Таким образом, исключение расовых меньшинств вызывается не волевыми решениями и предубеждениями отдельных лиц; оно носит регулярный и институциональный характер, воплощаясь в постоянно воспроизводимых рутинных практиках[60].

Подобные представления породили такие термины, как «системная дискриминация», «институциональная дискриминация» и «институциональный расизм», описывающие вся совокупность практик расовой стратификации и исключения[61]. Основных следствий было два. Во-первых, параллельно в публичной дискуссии о дискриминации и в юридической практике стерлись границы между противоправным и правомерным поведением, то есть к дискриминации стали относить любые деяния, предположительно ведущие к расовому неравенству независимо от мотивов и вины того, кто совершил эти деяния. Появился даже термин «структурная дискриминация», обозначающий спонтанные процессы, у которых просто не существует определенного «автора»[62]. Во-вторых, обсуждение перешло в плоскость межгрупповых отношений. То есть, все те практики, процессы и состояния, которые называются «дискриминацией» и «расизмом», стали интерпретироваться и обозначаться в качестве отношений «доминирования» и «подчинения» между группами – в данном случае между «цветными» и «белыми»[63]. Подобная риторика возникает при рассмотрении социальных проблем на макро- и на микроуровне. На макроуровне статистические диспропорции описываются как «структурное» неравенство между группами (то есть, группы реифицируются и риторически наделяются свойствами структурных единиц и социальных акторов) и оцениваются в качестве дискриминации[64]. На микроуровне повседневные интеракции интерпретируются как отношения «подчинения» и «доминирования» независимо от реальных восприятий и мотивов тех людей, кто в этих интеракциях участвует[65]; именно в таком контексте возникают разговоры о «неосознанном расизме».

То, что в любом обществе есть устоявшиеся практики конструирования, распознавания и интерпретации различий, а значит и выстраивания повседневных взаимодействий на основе этого «расового знания»[\[66\]](#), не вызывает сомнений. Однако, происходит еще одна незаметная подмена тезиса – группа как определенное поле репрезентаций и взаимодействий реифицируется и представляется не как отношение, а как вещь, как объективно существующая структура, наделенная свойствами социального субъекта.

Вся риторика «институционального расизма», признание несущественными индивидуальных мотивов и индивидуальной вины, снижение стандартов доказывания дискриминации вкупе с презумпцией дискриминационного обращения и требования аффирмативных действий в целом означают, что на общество в целом (точнее, на представителей «доминирующей» группы) и на людей, располагающих в широком смысле властью и ресурсами, возлагается обязанность обеспечить пропорциональное распределение благ между расовыми группами[\[67\]](#). Неспособность или нежелание обеспечить эту пропорциональность, то есть стремление защищать свободу индивидуального выбора, свободу контракта и свободу предпринимательства обозначается как расизм.

Выстраивается примерно такая логическая цепочка: «доминирующая группа» (в данном случае белые) обеспечила свое господствующее положение и поставила «цветных» в подчиненное положение; такое неравенство продолжает воспроизводиться поколениями; «нейтральный» подход и формальное равенство закрепляют возможность «белых» пользоваться своими «привилегиями»[\[68\]](#). Тот, кто не борется активно за радикальное перераспределение ресурсов и создание новых социальных лифтов, фактически работает на воспроизводство существующей системы привилегий и неравенств[\[69\]](#). Поэтому «доминирующая» группа виновата целиком, а меры, которые могут ущемить отдельных ее членов, не должны считаться дискриминационными, поскольку они не меняют общую асимметрию отношений и не наносят ущерба группе как таковой[\[70\]](#). Социальная справедливость представляется из этой перспективы как введение особых правил для «угнетенных» групп и передача этим группам дополнительных благ в качестве компенсации.

Весьма показательны две области, где в последние годы движение за гражданские права прилагает усилия особенно активно.

Первая – эта проблемы равного доступа к школьному образованию. Школы в США финансируются муниципальными властями из местного налога на имущество. Соответственно, богатых районы имеют богатые, а значит, хорошие школы, бедные районы – плохие школы. Исторически общины стремятся держать школьное образование под контролем через местные бюджеты и выборные школьные советы; все попытки реформировать финансирование школ потерпели неудачу[\[71\]](#). Система принудительного распределения детей по школам и их транспортировки на большие дистанции в целях социального выравнивания сложилась не везде, а только в некоторых крупных городах. Были многочисленные попытки атаковать школьную систему в суде как дискриминационную по расовому признаку или (реже) по признаку имущественного положения. По ряду причин эти попытки были в основном безуспешны[\[72\]](#), но логика истцов вполне понятна. Диспропорции вызваны устройством школьной системы, а не чьими-либо деяниями, тем более, проводящими различия по расовому или иному признаку, но существующее положение надо признать дискриминацией на основании получаемых системой результатов.

Вторая область – это так называемый экологический расизм [73]. Замечено, что расовые меньшинства концентрируются в экологически неблагоприятных районах, и наоборот – корпорации размещают свалки и вредные производства в местах, где в населении выше доля «цветных». Речь идет о корреляциях – «цветных» больше среди малоимущих, малоимущие селятся там, где дешевле жилье, а экологические риски снижают рыночную стоимость недвижимости, значит, и арендную плату. И наоборот – свалки и «грязные» производства размещают там, где дешевле земля и там, где местные сообщества имеют меньше лоббистских возможностей и более заинтересованы в деньгах, то есть, опять-таки в бедных районах, где больше «цветных» [74]. Опять-таки, в данном случае в судах идет борьба против «невидимой руки», но компенсацию за вред пытаются (как правило, без большого успеха) получить с вполне конкретных корпораций и фирм.

Следующий вполне логичный шаг – это проецирование межгрупповых отношений в прошлое и требования компенсации для «угнетенных» групп за прошлые страдания. Кампания по подготовке и вчинению такого рода исков от имени потоков рабов ведется в США уже несколько лет [75]. Тема глобальных компенсаций со стороны западного мира в целом Африке и африканцам по происхождению за работорговлю и колониализм стала едва ли не основным (наряду с осуждением Израиля и сионизма) пунктом повестки дня Всемирной конференции против расизма, которая прошла в Дурбане в августе-сентябре 2001 г. [76] Здесь интересно не столько выдвижение таких требований, сколько принципиальная готовность западных стран их всерьез обсуждать. Потребовались немислимые дипломатические усилия, чтобы всю многодневную бурю эмоций свети к нескольким фразам в итоговой Декларации, говорящим о том, что конференция приветствует шаги некоторых стран, направленные на возмещение причиненного в прошлом вреда [77]. Но и на национальном, и на глобальном уровне тема отнюдь не закрыта.

Ситуацию осложняет культурализация социального, или в данном случае обсуждение межгрупповых неравенств в терминах культурной целостности и культурных различий. Попытки представить афроамериканцев в качестве в своем роде национального меньшинства, имеющего особую судьбу и своеобразную культуру, активисты негритянского движения в США делали время от времени едва ли не с конца XIX в. [78] Но мощное развитие эта тенденция - представлять положение «цветных» в категориях культурной отличительности - получила начиная со второй половины 1960-х годов. Усилия прилагались с разных сторон и были мотивированы разными соображениями.

Для многих новых активистов «цветного» движения апелляция к истории и культуре были инструментом групповой мобилизации в противовес старым лидерам вроде Мартина Лютера Кинга, отстаивавшим идеалы «расово слепого общества» (racially blind society) [79]. Отсылка к культурным различиям действовала как способ объяснения неуспехов «цветных» в достижении фактического равенства, поскольку тем приходилось адаптироваться к «чужой» для них культуре «белых» [80]. Одновременно, это служило и оправданием для требований обеспечить «черным» предпочтения и преференции, поскольку несправедливым было бы требовать от них приспособлять себя к стандартам и требованиям чужой «белой» культуры [81].

Такие требования легли на благодатную почву культурного релятивизма в духе Франца Боаса, которую взрыхлило академическое сообщество. Особая заслуга здесь принадлежит антропологам – достаточно вспомнить такой манифест культурного релятивизма как Декларацию о правах человека, принятую Американской антропологической ассоциацией еще в 1947 г. [82] Культурализация оказалась идеально совместимой с презумпцией дискриминационного обращения при наличии социальных дисбалансов между группами.

Действует примерно следующая логика – все культуры равны и должны при нормальных условиях показывать одинаковые результаты; если же результаты неодинаковы, то отклонение объясняется только внешними факторами, то есть дискриминацией[83].

Внедрению в общественную дискуссию культуралистского языка поспособствовали и движения за «этническое возрождение» иммигрантских меньшинств, в свою очередь вдохновленные успехами «цветного» движения и пытающиеся получить для своих групп долю признания. В свою очередь, новая повестка дня, связанная с культурными различиями, оказалось очень удобной для государства и университетских администраций. Можно было объяснить появление множественных стандартов и найти новые оправдания для политики аффирмативных действий, такие, например, как «поощрения разнообразия» на рабочих местах и в университетах. Натан Глейзер убедительно объяснял увлечение мультикультурализмом как реакцию элит на провал интеграции «черных» и способ отодвинуть на задний план соответствующие неудобные вопросы[84]. В любом случае, обращение к теме расизма как помимо всего прочего еще и проблеме неравноправного положения «угнетенных» культур, которые подавляются доминирующей культурой «белых», получило очень широкое распространение[85].

Выше шла речь в основном о Соединенных Штатах, поскольку именно США наиболее полно и явно демонстрируют все проблемы и противоречия, связанные с противодействием расизму и дискриминации. В других западных странах такие же эволюции проявляются в несколько усеченном и ослабленном виде.

Здесь следует также кратко сказать о таких двух способах концептуализации этнических различий, как мультикультурализм и защита меньшинств, поскольку они демонстрируют немало общего с идеями противодействия дискриминации. Для нас важна роль этих подходов с точки зрения вклада в публичную, в том числе академическую дискуссию, и в гораздо меньшей степени - в практическую политику. Мультикультурализм разнообразен по формам и сферам своего проявления – это и способ обозначения тех или иных направлений внутренней политики государства[86], и область общественных дискуссий, и набор лозунгов и нормативных требований[87]. Общим для всех этих феноменов является разве что отрицание требования относительно поддержания в государстве единого для всех языково-культурного стандарта. Само слово «мультикультурализм» подразумевает, во-первых, отнесение определенной социальной проблематики к области культуры, во-вторых, соседство различных дискретных культур. На деле преобладает то, что Сейла Бенхабиб назвала «мозаичным мультикультурализмом» - сосуществование культур видится как сосуществование групп, каждая из которых является носителем своеобразной культурной субстанции[88]. Доминирующим становится нарратив, который, по сути, отрицает существование единого общества и признает лишь конгломерат «общин»[89].

Мультикультурализм в разных его вариантах и формах обращается к проблематике равенства. Иногда (как в современных Австралии, Канаде и Швеции) противодействие дискриминации провозглашается в качестве одного из компонентов мультикультурной политики, проводимой государством. В других случаях мультикультурализм (или шире – обращение к теме культурных различий) оказывается пропагандистским трюком государства, позволяющим закрыть тему неравенства и дискриминации[90]. Разговор переводится в плоскость различий культур, а административные и прочие социальные барьеры, препятствующие «другим» полноценно участвовать в жизни общества, «не замечаются»[91]. Вместе с тем, публичное признание равной ценности культур служит своего рода символической компенсацией за социальные ограничения[92]. Яркий пример такого подхода дала германская дискуссия о мультикультурализме 1980-х – начала 1990-х

годов[93]. К подобным же приемам прибегают правительства стран Балтии при обращении к теме русскоязычных «неграждан», а также власти России.

Важнее то, как мультикультурализм интерпретируется в общественных дискуссиях. Непосредственного практического эффекта эти интеллектуальные упражнения не имеют, но оказывают серьезное влияние на моральный климат в мире в целом, и в западном обществе в особенности[94]. Особое значение имеют два взаимосвязанные направления в политической философии, которые именуется «политикой признания» и «либеральным мультикультурализмом». Первое восходит к Чарльзу Тэйлору, который утверждает, что идентичность, во-первых, носит групповой характер, во-вторых, проявляется в отношениях, в силу признания со стороны «других»[95]. Поскольку групповая идентичность является ценностью, возникает нормативное требование ее признания со стороны государства и окружающего общества. Как утверждают последователи Тэйлора, признание же должно влечь за собой меры, принимаемые государством и обществом для сохранения идентичности этнокультурных групп.

«Либеральный мультикультурализм» в основном связывается с именем его самого активного пропагандиста Уилла Кимлики. Кимлика и его сторонники утверждают, что человека необходимо мыслить как члена какой-либо этнокультурной группы[96]. Культура, к которой относится человек, определяет смысл, образ и качество его жизни. Современное государство не является нейтральным в этнокультурном отношении, а, по сути, независимо от содержания официальной риторики, поддерживает и воспроизводит культуру доминирующей группы. Соответственно, лица, не относящиеся к господствующей культуре, оказываются в ущемленном положении, и потому необходимо обеспечение относительной автономии групп, чтобы они могли сохранять свои нормы, и принятие компенсационных мер, направленных на достижение справедливого положения разных групп. В свою очередь, это должно гарантировать равную степень свободы и достоинства людей, относящихся к разным общинам.

Происходит нечто подобное тому, что наблюдалось в США в связи с культурализацией проблемы расовой дискриминации. Обсуждение переводится в плоскость различий и сосуществования культур, культура как дискретная единица и целостность приписывается к определенной группе, следовательно, проблемы выводятся из отношений между группами как таковыми. Социальные дефициты и диспропорции оцениваются как результат фактического неравенства культур или/и непризнания культурной специфики тех или иных групп со стороны «доминирующей» культуры. Тем самым отвергается социальная интеграция как освоение единых стандартов коммуникации и поведения, поскольку это означало бы адаптацию одних культур к другим, «доминирующим», а, значит, и подчинение последним. В качестве приемлемого решения возникает, тем самым, особое отношение к «слабым» культурам и групп и принятие особых компенсационных мер[97]. В этом же русле лежат и требования групповой автономии, которое выдвигают не только либеральные теоретики, но и сами этнические активисты. «Автономия» в таком понимании означает невмешательство государства в те правила и практики, которые установлены внутри группы и признание власти лидеров внутри группы. Но такая «автономия» отнюдь не исключает также требования социальной поддержки членов группы со стороны государства.

Защита меньшинств демонстрирует тоже существенный разрыв между символической и инструментальной политикой; в Европе практические меры государств, направленные на поддержку «традиционных» меньшинств[98] обычно достаточно скромны по намерениям и объемам затрачиваемых средств и усилий; с антидискриминационной политикой структурно сопоставима деятельность по интеграции цыган. Зато проблематика защиты

меньшинств важна с точки зрения влияния на публичную дискуссию и как иллюстрация все тех же логических и языковых ловушек.

Само по себе понятие меньшинства несет в себе утверждение, что определенные общественные проблемы рассматриваются в категориях разделения на группы и асимметричных отношений между группами; соответственно понятие «национальных» или «этнических» меньшинств имплицитно включает в себя группизм и культурдетерминизм. Здесь для краткости я пишу о меньшинствах, но все обсуждаемые здесь проблемы наиболее зримо демонстрируют дебаты о коренных народах. Коренные народы обычно определяются как группы, сохраняющие полностью или частично «традиционный» образ жизни, но оказавшиеся в меньшинстве в силу внешней колонизации. Такая концепция, по сути, описывает разновидность меньшинств, но надо заметить, что по идеологическим соображениям коренные народы отделяются от меньшинств в официальной риторике и академической литературе. Исторически идея защиты меньшинств возникла как реакция на национальное государство. Национализм (особенно в тех разновидностях, которые обозначаются предикатами «культурный» или «этнический»), стремится навязать населению определенный языковой и культурный эталон и/или добиться доминирующего положения в обществе тех, кто соответствует этому стандарту. Поэтому защита меньшинств включает в себя два основных компонента и предполагает, с одной стороны, обеспечение равных прав тех, кто не относится к основной «нации», а с другой – противодействие их принудительной ассимиляции. Проблема в чудовищной двусмысленности, которую приобретает соседство этих двух компонентов, поскольку очень часто между ними при обсуждении темы меньшинств вольно или невольно риторически выстраивается причинно-следственная связь.

Важнейшей вехой в истории защиты меньшинств в Европе было решение, принятое в 1935 г. Постоянным судом международной справедливости, учрежденным в системе Лиги Наций, по делу о школах меньшинств в Албании^[99]. Решение считается рубежным и хрестоматийным, поскольку в нем впервые четко было сформулировано, что защита меньшинств включает в себя обеспечение равных прав и создание условий для сохранения отличительных характеристик групп, определяемых как меньшинства. Такого рода меры, хоть они и предполагают неравное обращение, не означают нарушение равенства прав. С тех пор регулярно происходит следующая подмена: утверждается, что защита культурных особенностей меньшинства преследует цель обеспечения фактического равенства меньшинства и большинства. Такое суждение изначально лукаво: доступ на рынок труда, к жилью, образованию и прочим услугам заведомо не может иметь прямого отношения к охране культурных различий, а обеспечение равного положения маргинальных языков и культур по сравнению с языком и культурой большинства является задачей в принципе невыполнимой.

Тем не менее, как и при дискуссии на темы мультикультурализма, появляется много текстов, посвященных необходимости *особого* обращения с меньшинствами в силу их *культурной* отличительности в целях обеспечения их *фактического* равенства^[100]. Проблемы отдельных групп интерпретируются как проблемы их «развития» или «сохранения идентичности». Этим оправдываются требования разных стандартов и разного обращения с разными группами. Речь зачастую идет о меньшинстве как целостности, преследующей групповые интересы и добивающейся равенства с большинством^[101]. Весьма интересен в этом плане такой документ, как Лундские рекомендации Верховного Комиссара ОБСЕ по делам национальных меньшинств (1999). Рекомендации посвящены участию меньшинств в общественной и политической жизни; при этом общим вопросам равенства и недискриминации отведено лишь несколько общих слов, а большая часть текста посвящена возможности отстаивания коллективных

интересов, преимущественно связанных с выражением и сохранением культурных особенностей.

В том же русле лежит дебатлируемая в последние десятилетия идея «внутреннего» самоопределения для меньшинств[102]. На этом фоне также чрезвычайно двусмысленными выглядят два относительно новых концепта: «право на участие» и «эффективное равенство». «Право на участие» (имеется в виду участие меньшинства в жизни общества) нередко рассматривается как третий (наряду с недискриминацией и охраной культурной отличительности) компонент защиты меньшинств[103]. При этом, как правило, авторы избегают четко артикулировать, идет ли речь о снятии формальных и неформальных барьеров, мешающих включению *индивидов* в жизнь общества, или подразумевается участие *группы* как целостности (в духе лозунга «внутреннего самоопределения»). Таким же образом «эффективное равенство» может значить как ликвидацию барьеров, так и «аффирмативные действия», перераспределяющие ресурсы в пользу «слабых» групп.

Подобные дискуссии, по сути, подводят к тому, что группы, определяемые как «меньшинства» или «коренные народы», заведомо находятся в неравном и ущемленном положении в силу своей культурной отличительности. Такое состояние в принципе не может быть устранено или отменено, и выходом остается установление для этих групп особого правового режима[104].

На практике происходит также выстраивание символической таксономии этнических групп, якобы заслуживающих принципиально разной политики по защите их идентичности. В официальной области «коренные народы», как правило, отделяются от «меньшинств», а «меньшинства» от «мигрантов»[105]. Сторонники «либерального мультикультурализма» во главе с Уиллом Кимликой отстаивают отделение «меньшинств» (крупных этнических групп, издавна проживающих на определенной территории, чья культура может быть основой для функционирования местного сообщества) вместе с «коренными народами» (защищающими традиционный образ жизни) от «иммигрантов» (якобы по умолчанию отказывающихся в силу своего иммигрантского статуса от «своей» культуры)[106]. Таким образом, требование равенства подменяется требованием справедливости, а справедливость понимается как разное обращение с разными группами (и эвентуально – с лицами, относящимися к этим группам) в силу неких общих фундаментальных принципов или соображений или общественной пользы. Структурно это мало чем отличается от подходов классического расизма и этнонационализма.

Но следует заметить здесь, что идея групповых прав вместе с идеей самоопределения поощряет внесистемную оппозицию существующему порядку и оправдывает противоправное поведение. Члены «меньшинств» заведомо ущемлены, поскольку не относятся к «доминирующей» группе и «доминирующей культуре». Эта ситуация объявляется неприемлемой, но она не может быть преодолена, поскольку радикальный передел благ между группами и одновременно обеспечение для всех одинаковой социальной мобильности невозможно. Лозунг «самоопределения» и представления, сходные с идеями классовой борьбы, освобождают членов «ущемленных» групп от моральной и юридической лояльности по отношению к существующему порядку, поскольку есть множество признаваемых всеми аргументов, в силу которых этот порядок можно объявить «чужим» для меньшинств.

Феномен антирасизма интересен тем, что он показывает условность оппозиции между «либеральной» и «социалистической» перспективой понимания прав человека. Либеральное и индивидуалистическое по своему пафосу движение за гражданские права

быстро и не встречая серьезного противодействия скатилось к идеям радикального перераспределения ресурсов и государственного вмешательства в общественную жизнь. По сути, антирасизм в совокупности с мультикультурализмом стал формой воспроизводства этноцентристских и националистических идей [\[107\]](#).

На практике «позитивные действия» не решают или решают только отчасти проблемы социальных дисбалансов и социальной мобильности. Но идеологически и институционально выстраиваются или сохраняются межгрупповые границы; при этом подрывается возможность общественного диалога – любое несогласие с повесткой дня антирасизма может быть обозначено как защита и воспроизводство существующих отношений неравенства.

Не стоит забывать, что аргументация из антирасистского арсенала может быть легко повернута в любую сторону. Те же доводы, что используются для защиты «меньшинств», могут быть с тем же успехом применены для отстаивания «прав большинства». История по крайней мере Восточной и Центральной Европы периода между двумя мировыми войнами дает тому немало ярких примеров [\[108\]](#).

Причины описанных выше эволюций движения за гражданские права и мультикультурализма многообразны и заслуживают специальных исследований. Можно отметить два фактора: инерция структуралистского понимания общественных отношений и эссенциалистское восприятие понятий «раса», «этничность» и «культура».

Имеет ли все изложенное здесь отношение к России? На первый взгляд, напрашивается отрицательный ответ. В стране нет ничего подобного движению за гражданские права в США на любой стадии их развития, и уж тем более никто не выдвигает требования «аффирмативных действий». Общественные активисты обращают внимание преимущественно на проблемы этнически мотивированного насилия и разжигания вражды, и, как правило, игнорируют ненасильственную дискриминацию. Общественная дискуссия о социальном равенстве не сложилась, публикации, посвященные дискриминации по этническому признаку, крайне редки [\[109\]](#).

Но все-таки антирасизм как глобальный феномен имеет отношение к российской ситуации, главным образом, в том, что в стране есть все предпосылки для проявления описанной выше логики и эти предпосылки уже начинают реализовываться.

В России (точнее, бывшем СССР) в общественном сознании господствует эссенциалистское и группоцентричное восприятие «культуры» и «этничности»; соответственно, вопросы, связанные с дискриминацией или равенством по этническому признаку, воспринимаются проблемы равенства между группами и культурами. Россия – наследница СССР и, следовательно, глубоких традиций социальной инженерии и вмешательства государства в жизнь общества. Соответственно, нет никаких препятствий для того, чтобы в будущем социальная инженерия, направленная на этнические группы, получала поддержку с самых разных сторон из соображений защиты «равенства» или «справедливости».

Социальное равенство было одним из идолов Советской власти. Для В.И.Ленина, как он неоднократно писал, имело значение только фактическое, содержательное равенство; формальное равенство он воспринимал как вредную буржуазную выдумку [\[110\]](#). В частности, равенство по этническому признаку, то есть «равенство наций», с его точки зрения, должно было заключаться в лишении в прошлом «господствующих» наций привилегий. Наследники В.И.Ленина, оказавшись у власти, отчасти проводили эти идеи в

жизнь – сосуществование разных этнических групп также было объектом радикальной социальной инженерии большевиков[111]. Равенство «наций и народностей», как и равенство граждан независимо от национальности в Советский период провозглашалось во всех конституционных актах и основных партийных документах. Как известно, это не мешало установлению преференций для одних групп или проведению репрессий в отношении других.

Публичные дискуссии период перестройки отмечаются многочисленными попытками проецировать социальное (в том числе символическое) неравенство на этнические отношения. Экономические, социальные, экологические проблемы территорий описывались как проблемы их «титულных» национальностей. Иерархия «национально-государственных образований» (союзная республика – автономная республика – автономная область и т.д.) истолковывалась как субординация и, следовательно, неравноправие «народов».

Тенденция интерпретировать дискриминацию как проблемы группы в целом, а равенство как баланс между группами, проявляется по разным поводам достаточно четко.

Лица и организации, так или иначе позиционирующие себя как борцы с расизмом и дискриминацией, занимаются двумя вещами. Они или выступают против крайних проявлений - расистского насилия и разжигания вражды - , или занимаются проблемами определенных этнических или социальных групп (таких, например, как беженцы). Собственно, иного и не дано, поскольку идентифицировать именно дискриминационные практики как неравное обращение очень непросто и не особенно нужно для получения конечного позитивного результата, то есть разрешения конкретной проблемной ситуации. Но в результате «дискриминация» невольно начинается восприниматься как трудности той или иной категории людей вообще.

С другой стороны, лозунги защиты справедливости и борьбы с дискриминацией осваивают националистические группировки. Нередко в прессе и даже в текстах с претензией на академичность встречается такого рода аргументация: проводимая государством внутренняя политика является дискриминационной и антирусской[112]. В частности, это происходит потому, что поскольку «чужие» жители Кавказа и Средней Азии легко обходят как бы нейтральные правила и запреты, используя общинную солидарность и привычные им коррупционные приемы, а настоящими жертвами оказываются разобщенные и законопослушные русские[113].

В середине между двумя краями спектра можно множество попыток описать измеряемые или мнимые общественные и экономические диспропорции или социальные проблемы в терминах отношений между этническими группами.

Хорошим примером могут служить расхожие объяснения того, что наблюдается в некоторых российских республиках. Непропорциональная «представленность» так называемых «титулных» этнических групп в структурах власти и бизнесе описывается в СМИ и некоторых академических публикациях[114] как «этнократия» и «дискриминация», хотя имеющиеся данные позволяют говорить в основном о спонтанных процессах социальной стратификации, не связанных с идеологией и конкретными стратегиями управления[115]. Из этого же ряда мнение Р.Г. Абдулатипова, о том, что недостаточное представительство российских национальностей в органах власти само по себе означает их дискриминацию[116].

Интересна также стереотипная реакция сотрудников МВД на сообщения о расистском насилии и нападениях на иностранцев в частности. Они сравнивают количество преступлений в отношении иностранцев и преступлений, совершенных иностранцами, при этом последних либо оказывается больше, либо более высокими оказываются темпы роста их численности. Вопрос о преступлениях по мотивам ненависти подменяется надуманной проблемой «счета» в «игре» между «нашими» и «не нашими». Этот же прием освоен и националистами. Тех, кто высказывает озабоченность расистскими нападениями, обвиняют в том, что они по умолчанию определяют в качестве «расистского» любое преступление против нерусского и игнорируют преступления нерусских против русских[117]. Игорь Свиначенко, в эссе, посвященном книге Д.Соколова-Митрича «Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики»[118] (которая представляет собой подборку публикаций и свидетельств о преступлениях нерусских против русских), приводит слова составителя, который объясняет, что, выпуская книгу, он не стремился разжечь рознь, а хотел лишь, чтобы люди *выслушивали не одну сторону, а обе* [119]. Ключевое слово здесь – *сторону*.

Немало также суждений и риторических конструкций, представляющих социальные проблемы как проблемы «этнического развития». Еще в 2000 г. Эмиль Паин, приглашенный в качестве эксперта в аналитический центр Г.Грефа по разработке программы реформ, писал, что «русский вопрос» является одним из вызовов в области «национальной политики» и что не следует уходить от обсуждения проблем русского народа[120]. Похожая позиция была представлена на одной из конференций Центра «Стратегия»; она сводилась к тому, что многие социальные проблемы должны рассматриваться как проблемы русского народа и что права большинства должны уважаться не менее, чем права меньшинств[121]. Интересно, что такая постановка вопроса сама по себе не вызвала принципиальных возражений аудитории и сопровождалась весьма сочувственным обсуждением[122].

Дискриминация как неравенство в обращении с трудом распознается и доказывается; неравенство социальных позиций создается и воспроизводится широким спектром различных процессов и практик; деяния и отношения, ведущие к неравенству в разном измерении и понимании, поддаются разным интерпретациям. Таким образом, у слов «дискриминация» и «неравенство» на практике нет одного определенного материального референта. Сколько-нибудь широкое применение слова «дискриминация» возможно при ряде достаточно вольных допущений; по сути, такое применение в большинстве случаев не верифицируемо и строится на вере в существование дискриминации. Возможна красивая аналогия с использованием термина «коррупция» для объяснения многих социальных реалий. То, что называется «коррупцией», может охватывать большой перечень весьма разных практик, многие из которых с трудом поддаются наблюдению, верификации на основе эмпирических данных и однозначной интерпретации. Существование термина «коррупция» как универсального объяснительного инструмента основывается на институционализации «борьбы с коррупцией» и на широкой вере в ее существование[123]. Как остроумно заметили некоторые исследователи, отсылки к категории «коррупция» в «современных» обществах до мелочей напоминают склонность членов «примитивных» племен объяснять те или иные явления колдовством[124].

Таким же образом, многие обыденные, официальные и научные объяснения окружающей реальности строятся на вере в разделенность общества по этническим линиям и в роль этничности/культуры для человеческого поведения. В России масс-медиа, чиновники и эксперты тиражируют представления об «общинах», о том, что общинная «солидарность» является важным социальным ресурсом для членов этнических групп и одновременно – фактором, парализующим признанные механизмы социальной регуляции. Говоря

бытовым языком – идет экспансия «мигрантов» и меньшинств и, наоборот, вытеснение и подчинение «русских». Две веры вполне сопоставимы и аналогичны по структуре. На практике они вполне могут дополнять и подпитывать друг друга. Пока об этом рано говорить, поскольку активность националистов заметна, а «антирасистов» - нет. Однако, ситуация может меняться в разных направлениях. Государство может поддаться соблазну защищать «социальную справедливость» и начать перераспределять блага между этническими группами под лозунгами «равенства». Официальная риторика относительно «защиты коренного населения» и «русские проекты» подтверждают, что такое возможно. С другой стороны, при ослаблении режима активисты меньшинств или лидеры республик могут выдвинуть требования в духе борьбы с дискриминацией. Проблемы, связанные с этничностью и меньшинствами вполне могут быть переосмыслены в логике и в духе западных антирасистских подходов.

Подведем итоги. Противодействие расизму и дискриминации – многообещающий и в то же время очень опасный инструмент. Это есть пространство, где одновременно присутствуют противоположные по характеру риски: суженных и расширительных толкований. Сама по себе идея дискриминации создает множество ловушек, и то, что люди и организации соскальзывают в эти ловушки, оказывается объяснимым и даже неизбежным.

Выстраиваются несколько логических цепочек. Дискриминация в отношении отдельно взятого лица не имеет большого общественного значения и едва ли оправдывает особые антидискриминационные меры – проще говорить о дискриминации против определенных «уязвимых» групп. Дискриминация трудно доказуема – логично исходить из презумпции дискриминационного обращения в отношении члена «уязвимой» группы, устанавливать разные стандарты доказывания и сместить его бремя на предполагаемого причинителя вреда. Статистическое неравенство между представителями разных этнических групп сложно объяснить прямой дискриминацией – отсюда рассмотрение этнически нейтральных процедур, оказывающих непропорционально неблагоприятные последствия на разные группы, в качестве дискриминации (т.н. «косвенная дискриминация» в праве ЕС и ряда европейских стран). Концепция же косвенной дискриминации предполагает учет индивидуальной этничности или расовой принадлежности в качестве публично значимой характеристики, а также стирания грани между противоправным и правомерным поведением.

Завершается все интерпретацией самых разных социальных проблем, в том числе любого структурного неравенства, в качестве «дискриминации» и отношений между «доминирующими» и «уязвимыми» группами, а также идеями «позитивных» действий. Реификации, или «овеществлению» идеи группы способствует привнесение в обсуждение понятия культуры, представляемой как атрибут группы. Круг замыкается. Некогда дискриминация была вполне осязаема как проявление укорененного в общественном сознании и институтах разделения общества на группы и разного обращения с группами в силу каких-то соображений справедливости. Борьба с дискриминацией постепенно приводит к аналогичному состоянию.

Идеи, обозначаемые как «антирасизм» и «мультикультурализм», оправдывают неравное обращение с разными группами и людьми, относящимися к разным группам, и разные стандарты для разных групп из перспективы защиты некоей абстрактной «социальной справедливости» или «защиты идентичности». При этом поощряется активное вмешательство государства в разных сферах жизни общества в рамках т.н. «позитивных действий». Насколько глубоко такая политика затрагивает общественные практики

непосредственно – вопрос сложный и требующий отдельного рассмотрения. Однако, моральный климат в обществе подобные идеи способны изменить основательно.

Последствия этого трудно предсказуемы, но установившиеся тенденции требуют очень внимательного отношения. Особенно в России, где уже силен защитный дискурс в пользу этнического большинства и где есть глубоко укорененная традиция истолковывать самые разные отношения в этнических и культурных терминах.

Как в принципе можно разорвать этот замкнутый круг? Новые перспективы открывает, во-первых, отказ от группизма, то есть от привычки «овеществлять» группы и наделять их свойствами социальных субъектов; во-вторых, отказ от культурдетерминизма и рассмотрения культуры как атрибута определенной группы. Третье условие – узкое понимание дискриминации, в именно, такое, которое ставило бы под вопрос любые этнические классификации и разное обращение с людьми в зависимости от их этнической или расовой принадлежности, чем бы такое ни было мотивировано. Соответственно, проблематика, связанная с социальной стратификацией и любыми диспропорциями, должна отделяться от дискриминации и квалифицироваться отдельно. Правда, с точки зрения антирасистов, такие предложения являются дискриминационными и направленными на утверждение доминирования одних групп над другими...

* Исследование выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Проблематизация социальной дискриминации в российских публичных дискурсах» № 08-03-00300а.

[1] См. Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЕН, 2004; Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003.

[2] Нет нужды специально разъяснять здесь, что групповое деление, которое может быть передано в категориях «этничности», «общины», «национальности» или «расы», в разных социальных и исторических контекстах наполняется разным смыслом и описывается по-разному.

[3] McCrudden, C. Introduction // Anti-discrimination Law / ed. by C. McCrudden.- 2nd ed.- Aldershot, Hants, Eng.; Burlington, VT: Ashgate/Dartmouth, 2004. P. xi-xxxii; Non-Discrimination in International Law. A Handbook for Practitioners. L.: Interrights, 2005. P.19-27.

[4] Fredman, S. Discrimination Law. Oxford: Oxford University Press, 2002. P.7-15; Arnardóttir, Oddný Mjöll. Equality and Non-discrimination under the European Convention on Human Rights. The Hague ; London ; New York : Martinus Nijhoff Publishers, 2003. P.1-10.

[5] Fredman, S. Op.cit. P.8-11.

[6] Один из примеров положительного ответа, сводящегося к тому, что разница результатов равнозначна разнице в обращении: Van Boven, T. The Experience of the Committee on the Elimination of Racial Discrimination // Discrimination and Toleration: New Perspectives /ed. by Kirsten Hastrup and George Ulrich. The Hague; New York : Martinus Nijhoff Publishers ; Norwell, MA, 2002, pp 169-170.

- [7] Rawls, J. A Theory of Justice. Oxford: Oxford University Press, 1972. P.453-512.
- [8] **Korematsu v. United States**, 323 U.S. 214, 65 S.Ct. 193 (1944).
- [9] Non-Discrimination in International Law. P.20-21, 71-90; Race, Religion and Ethnicity Discrimination: Using International Human Rights Law. London, Eng.: Justice, 2003. P.11-12; McCrudden, C. Op. cit. P. xiv.
- [10] См.: Brubaker, R. Ethnicity without groups // Archive Europeenne de Sociologie, XLIII, 2 (2002). P.163-189.
- [11] Banton, M. The Idea of Race. London: Tavistock Publications, 1977; Feagin, J.R. and Feagin, C.B. Racial and Ethnic Relations. - 7th ed.- Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2003.
- [12] Bonnett, A. The Americanisation of Anti-Racism: Global Power and Hegemony in Ethnic Equity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2006. Vol. 32. No. 7. P.1083-1103.
- [13] Jim и Crow – клички, использовавшиеся на американском Юге для обозначения чернокожих.
- [14] Mixed Race America and the Law: a Reader / ed. by Kevin R. Johnson. New York: New York University Press, 2003. P.5-6.
- [15] Mustard, D. Racial Justice in America: a Reference Handbook. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO, 2003; Marable, M. The Great Wells of Democracy: the Meaning of Race in American Life. New York: Basic Books, 2002.
- Thernstrom, S. and Thernstrom, A. America in Black and White: One Nation, Indivisible. New York: Simon & Schuster, 1997. P.25-65.
- [16] Fiss, O. What Should Be Done for Those Who Have Been Left Behind? // A Way Out: America's Ghettos and the Legacy of Racism / ed. by J. Cohen, J.Decker, and J.Rogers. Princeton, NJ ; Oxford : Princeton University Press, 2003. P.6-11.
- [17] Klarman, M. J. From Jim Crow to Civil Rights: the Supreme Court and the Struggle for Racial Equality. Oxford ; New York: Oxford University Press, 2004; Thernstrom, S. and Thernstrom, A. Op.cit. P.30-37.
- [18] Mustard, D. Op.cit.
- [19] Feagin, J.R. and Feagin, C.B. Op.cit.
- [20] D'Souza, D. The End of Racism: Principles for a Multiracial Society. New York: Free Press, 1995. P.163-200.
- [21] **Brown v. Board of Education of Topeka, Kansas**, 347 U.S. 483, 493(1954).
- [22] Klarman, M. J. Op.cit.; Thernstrom, S. and Thernstrom, A. Op.cit. P.88-180.

[23] **Loving v. Virginia**, 388 U.S. 1 (1967); см. также Pratt, R.A. Crossing the Color Line. A Historical Assessment and Personal Narrative of Loving v. Virginia // Howard Law Journal. Vol.41. 1998. No. 229. P. 256–264.

[24] Non-Discrimination in International Law. P.122-124.

[25] Ibid. P.118-119.

[26] Пашин С.А. Человек в российском правовом пространстве // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С.157-158.

[27] Non-Discrimination in International Law. P. 125-128; Brooks, R.L., Carrasco, G.P., Selmi, M. Civil Rights Litigation: Cases and Materials - 2nd ed. - Durham, N.C.: Carolina Academic Press, 2000. P.331, 416-433.

[28] Non-Discrimination in International Law. P.119-122.

[29] The Development of Legal Instruments to Combat Racism in a Diverse Europe / ed. by Jan Niessen and Isabelle Chopin. Leiden; Boston: M. Nijhoff Publishers, 2004; see also: Submission to the European Commission Concerning Implementation of the Race Equality Directive in the Czech Republic, Hungary, Poland, Romania, and Slovakia. 19 July 2005. <http://www.errc.org/cikk.php?cikk=2280>; Farkas, L. Will the Groom Adopt the Bride's Unwanted Child? The Race Equality Directive, Hungary and its Roma // Roma Rights Quarterly. 2003. No. 1-2. P.27-45.

[30] Arnardóttir, Oddný Mjöll. Op.cit. P.33-92

[31] Заковряшина Е. Принцип недискриминации в праве Совета Европы // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. 2002. № 2 (39). С.116-118; Arnardóttir, Oddný Mjöll. Op.cit. P.86-92.

[32] PARTLY DISSENTING OPINION OF JUDGE BONELLO. Eur. Court H.R. Case of Anguelova v. Bulgaria. 13 June 2002.

[33] Eur. Court H.R. Case of Nachova and Others v. Bulgaria. Chamber Judgment of 26 February 2005. Eur. Court H.R. Case of Nachova and Others v. Bulgaria. Grand Chamber Judgment of 6 July 2005.

[34] Pettigrew, T. F. Racism and the Mental Health of White Americans: A Social Psychological View // Racism and Mental Health / ed. by Charles V. Willie, Bernard M. Kramer, and Bertram S. Brown. Pittsburg, PA: University of Pittsburg Press, 1973. P.271; см. Feagin, J.R and Feagin, C.B. Discrimination American Style: Institutional Racism and Sexism. – 2nd ed.- Melbourne, FL: Krieger Pub. Co., 1986. P.28-34.

[35] Thernstrom, S. and Thernstrom, A. Op.cit. P.424-426; D'Souza, D. Op.cit. P.220-223.

[36] Baldus, D. C. and Cole, J.W.L. Statistical Proof of Discrimination. Colorado Springs, Co.: Shepard's inc., of Colorado Springs, 1980, P.1-52; Brooks, R.; Carrasco, G.; Selmi, M. Civil Rights Litigation: Cases and Materials. - 2nd ed. - Durham, N.C.: Carolina Academic Press, 2000. P.331, 433.

[37] Полное признание эта концепция получила в решении Верховного Суда США по делу Григгса: **Griggs v. Duke Power Co.**, 401 U.S. 424 (1971).

[38] Baldus, D. C. and Cole, J.W.L. Op.cit. P. 44-49.

[39] See: Layton-Henry, Z. *The Politics of Race in Britain*. London; Boston: Allen & Unwin, 1984; Gregory, J. *Sex, Race, and the Law: Legislating for Equality*. London; Newbury Park, CA.: Sage Publications, 1987.

[40] Майкл Бэнтон отметил, что введение в закон категории «расовая группа» воспринималось в Британии как «плата за возможность запретить косвенную дискриминацию» - Banton, M. *The International Politics of Race*. Cambridge, UK: Polity; Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2002. P.201; в защиту этнической и расовой статистики как инструмента борьбы с дискриминацией см. также: Goldston, J.A. *Statistics in the Combat of Racial Discrimination: A Necessary Tool*.

http://www.portal-stat.admin.ch/iaos2000/goldston_final_paper.doc; Голдстон Д. Данные о национальности и этнической принадлежности: Нужный ресурс для борьбы с дискриминацией // Государственное управление в переходных экономиках. 2002. Зима. С. 19-32.

[41] Massey, D.S. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass* // *The American Journal of Sociology*. Vol. 96. No. 2. (Sep., 1990). P. 329-357; Massey, D. and Denton, N. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993.

[42] Ibid.; Mustard, D. Op.cit; Marable, M. Op.cit.; Thernstrom, S. and Thernstrom, A. Op.cit. P.183-312.

[43] United States. Kerner Commission. *Report of the National Advisory Commission on Civil Disorders*. Washington, For sale by the Supt. of Docs., U.S. Govt. Print. Off., 1968.

[44] D'Souza, D. Op.cit. P.220-245, 289-336.

[45] Greenawalt, K. *Discrimination and Reverse Discrimination*. New York: Knopf, 1983; Pincus, F. L. *Reverse Discrimination: Dismantling the Myth*. Boulder, Colo. : Lynne Rienner, 2003.

[46] Dworkin, R. M. *A Matter of Principle*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1985. P. 293-331; Feagin, J.R. and Feagin, C.B. Op.cit. P.17-19; *The Affirmative Action Debate* / Ed. by Steven M. Cahn. - 2nd ed.- New York: Routledge, 2002; Delgado, R. *Ten Arguments against Affirmative Action – How Valid?* // *Alabama Law Review*. 1998. Vol.50. No. 1. P.135-156.

[47] D'Souza, D. Op.cit. P.220-226.

[48] Fredman, S. Op.cit. P.70-82.

[49] **University of California Regents v. Bakke**, 438 U.S. 265 (1978).

[50] Pincus, F. L. Op.cit. P.26-29.

- [51] Ibid. P.21-26, 39; Oppenheimer, D. Understanding Affirmative Action // Hastings Constitutional Law Quarterly. Vol.23. 1996. P. 921–997.
- [52] Pincus, F. L. Op.cit.
- [53] Ford, C.A. Administering Identity. The Determination of Race in Race-Conscious Law // California Law Review. 1994. Vol.82. No. 5. P.1231-1285.
- [54] Reed, D.S. On Equal Terms. The Constitutional Politics of Educational Opportunity. Oxford, Eng., Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2001. P.37-43; Thernstrom, S. and Thernstrom, A. Op.cit. P.315-385.
- [55] Payson, K.E. Check One Box. Reconsidering Directive No.15 and the Classification of Mixed Race People // California Law Review. 1996. Vol.84. No. 4. P.1233-1291.
- [56] Statistical survey of individual complaints considered under the procedure governed by article 14 of the International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination. <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cerd/stat4.htm>.
- [57] Применительно к проблемам расовой стратификации понятие социального капитала независимо от П.Бурдые использовал гарвардский экономист Гленн Лури – see Loury, G. The Anatomy of Racial Inequality. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002. P. 102.
- [58] Ibid.; D’Souza, D. Op.cit. P.245-288.
- [59] Lawrence III, Ch. The Id, the Ego, and Equal Protection: Reckoning with Unconscious Racism // Stanford Law Review. Vol.39. 1987. No. 2. P.322-344; Affirmative Action: the Answer to Discrimination? : An AEI Round Table Held on May 28, 1975, at the American Enterprise Institute for Public Policy Research, Washington, D.C. / Ralph K. Winter, Jr., moderator ; Owen Fiss ... [et al.]. Washington: The Institute, 1976. P.19; Krieger, L.H. The Content of Our Categories: A Cognitive Bias Approach to Discrimination and Equal Employment Opportunity // Stanford Law Review. Vol. 47. 1995. No. 6. P.1161-1248.
- [60] Lustgarten, L. Racial Inequalities and the Limits of Law // The Modern Law Review. Vol.49. 1986. No.1. P. 68-85; Хороший обзор такого рода практик приведен в: Commission on Systemic Racism in the Ontario Criminal Justice System. Report of the Commission on Systemic Racism in the Ontario Criminal Justice System. Toronto : Commission on Systemic Racism in the Ontario Criminal Justice System, 1995. P.40-59.
- [61] Downs, A. Racism in America and How to Combat It. Washington, D.C.: US Commission on Civil Rights, 1970. P.5-7; Feagin, J.R. Indirect Institutionalized Discrimination. A Topological Analysis // American Political Quarterly. Vol.5. April 1977. P.177-200; McCrudden, C. Institutional Discrimination // Oxford Journal of Legal Studies. Vol. 2. 1982. No. 3. P. 303-367.
- [62] Hughes, D. and Kallen, E. The Anatomy of Racism: Canadian Dimensions. Montreal: Harvest House, 1974. P.106-108; Pincus, F.L. From Individual to Structural Discrimination // Race and Ethnic Conflict: Contending Views on Prejudice, Discrimination, and Ethnviolence / ed. by Fred L. Pincus, Howard J. Ehrlich. 2nd ed. Boulder, Colo.: Westview Press, 1999, pp.122-123.

[63] Carmichael, S. and Hamilton, Ch. Black Power; the Politics of Liberation in America. New York, Random House, 1967; Bell, D. Race, Racism, and American Law. 4th ed. Gaithersburg, MD: Aspen Law & Business, 2000; Feagin, J.R. and Feagin, C.B. Racial and Ethnic Relations. 7th ed. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 2003; Feagin, J. R. and Hernan, V. White Racism: the Basics. New York : Routledge, 1995; Marable, M. The Great Wells of Democracy: the Meaning of Race in American Life. New York: Basic Books, 2002.

[64] Kallen, E. Ethnicity and Human Rights in Canada: a Human Rights Perspective on Ethnicity, Racism and Systemic Inequality. - 3rd ed.- Don Mills, Ont.: Oxford University Press, 2003; Crossroads, Directions, and a New Critical Race Theory / ed. by Francisco Valdes, Jerome McCristal Culp, and Angela P. Harris. Philadelphia: Temple University Press, 2002

[65] Van Dijk, T. Communicating Racism. Ethnic Prejudice in Thought and Talk. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1987; Essed, P. Understanding Everyday Racism: an Interdisciplinary Theory. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1991; Lopes, T., Thomas, B. Dancing on Live Embers: Challenging Racism in Organizations. Toronto: Between the Lines, 2006.

[66] Goldberg, D. Racial Knowledge // Theories of Race and Racism / Ed. by L. Back & J. Solomos. London ; New York: Routledge, 2000. P.154-180; Tuitt, P. Race, Law, Resistance. London; Portland, Or.: Glass House, 2004. P.38-40; Li, P.S. Ethnic Inequality in a Class Society. Toronto: Toronto Educational Publishing, Inc., 1990. P.133-134.

[67] D'Souza, D. Op.cit. P.220-226, 245-336.

[68] Feagin, J.R. Racist America. Roots, Current Realities, & Future Reparations. New York: Routledge, 2001. P.9-36, 175-234.

[69] Увы, такой подход разделяют такие крупные ученые, как Тойн Ван Дайк – всемирно известный специалист по дискурс-анализу, в частности, по расистскому дискурсу; см. Van Dijk, T. Op.cit. P.15; Idem. Elite Discourse and Racism. L., Newbury Park, CA: Sage Publications, 1993. P.18-36.

[70] Feagin, J. R. and Hernan, V. Op.cit.; Brooks, R.L. Integration or Separation?: A Strategy for Racial Equality. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

[71] Reed, D.S. On Equal Terms. The Constitutional Politics of Educational Opportunity. Oxford, Eng., Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2001. P.53-162.

[72] Ibid.; Ryan, J.E. School, Race and Money // Yale Law Journal. Vol.108. 1999. No. 2. P. 249-316.

[73] The Law of Environmental Justice. Theories and Procedures to Address Disproportionate Risks. / ed. by Michael B. Gerrard. Chicago: Section of Environment, Energy, and Resources, American Bar Association, 1999.

[74] Cole, Luke W. Empowerment as the Key to Environmental Protection: The Need for Environmental Poverty Law // Ecology Law Quarterly. 1992. Vol.19. No.4. P.619-683; Been, V. Locally undesirable land uses in minority neighbourhoods: disproportionate siting or market dynamics? // Yale Law Journal. Vol.103. No.7. 1994. P.1383-1422; Gauna, E. The Environmental Justice Misfit: Public Participation and the Paradigm Paradox, Stanford Environmental Law Journal. Vol.17. 1998. No.3. P. 31-47.

[75] Feagin, J.R. Racist America. P.235-272; Weiner, B.A. Sins of the Parents: the Politics of National Apologies in the United States. Philadelphia: Temple University Press, 2005; Wu, E. Reparations to African-Americans: the only Remedy for the U.S. Government's Failure to Enforce the 13th, 14th, and 15th Amendments // Connecticut Public Interest Law Journal. 2004. Vol.3. No. 2. P.402-428.

[76] Banton, M. The International Politics of Race. P.142-169.

[77] Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, Дурбан, Южная Африка, 31 августа - 7 сентября 2001 года. <http://www.un.org/russian/conferen/racism/2002decl.htm>.

[78] Omi, M. and Winant, H. Racial Formation in the United States: from the 1960s to the 1990s. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 1994. P. 99–143.

[79] D'Souza, D. Op.cit. P.163-200, 387-430.

[80] До сих пор многие местные комментаторы и аналитики ломают голову над тем, что же такое культурно специфическое заключается в тестах на знание арифметики и формальной логике, которые «цветные» непропорционально часто проваливают.

[81] Gilroy, P. Against Race: Imagining Political Culture beyond the Color Line. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2000. P. 241-278; Johnson, A.M. Bid Whist, Tonk, and United States v. Fordice: Why Integrationism Fails African-Americans Again // California Law Review. Vol. 81. 1993. No. 6. P.1401-1470.

[82] Statement on Human Rights. The Executive Board, American Anthropological Association // American Anthropologist. New Series. Vol. 49. 1947. No. 4, Part 1. P. 539-543.

[83] D'Souza, D. Op.cit. P.337-386.

[84] Glazer, N. We Are All Multiculturalists Now. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1997. P.147-160.

[85] Diversity and its Discontents: Cultural Conflict and Common Ground in Contemporary American Society / ed. by Neil J. Smelser and Jeffrey C. Alexander. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1999. В отношении США процессы применения этих идей на практике рассмотрены также в: Lasch-Quinn, E. Race Experts: How Racial Etiquette, Sensitivity Training, and New Age Therapy Hijacked the Civil Rights Revolution. New York: Norton, 2001; к Канаде – в: Gwyn, R. J. Nationalism without Walls: the Unbearable Lightness of Being Canadian. Toronto: McClelland & Stewart, 1995. P.149-200; к Британии – в: Bhavnani, R. Rethinking Interventions to Combat Racism. London, Eng.: Commission for Racial Equality; Stoke on Trent, Staffordshire, Eng.; Sterling, VA: Trentham Books, 2001.

[86] Как правило, в практическом смысле, помимо официальной риторики, в области внутренней политики слово «мультикультурализм» обозначает антидискриминационные меры и меры по обеспечению равных возможностей, взаимодействие властей с организациями меньшинств и даже их поддержку, корректировку содержания образовательных программ, пропаганду толерантности и «разнообразия». – see. Grillo, R. D. Pluralism and the Politics of Difference: State, Culture, and Ethnicity in Comparative Perspective. Oxford ; New York : Clarendon Press, 1998. P.141-215.

[87] Goldberg, D.T. Introduction: Multicultural Conditions // *Multiculturalism: a Critical Reader*. Boston, Mass.: Blackwell Publishers, 1994. P.1-41; Shohat, E. and Stam, R. Introduction // *Multiculturalism, Postcoloniality, and Transnational Media* / Ed by E.Shohat and R. Stam. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2003. P. 5–7; Wieviorka M. Is multiculturalism the solution? // *Ethnic and Racial Studies*. 1998. Vol. 21. No. 5. P. 881; Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*. М., 2002. С. 38.

[88] Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С.9.

[89] Barry, B. *Culture and Equality. An Egalitarian Critique of Multiculturalism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001. P. 300; Sarat, A. and Kearns, T.R. Responding to the Demands of Difference: An Introduction // *Cultural Pluralism, Identity Politics, and the Law* / Ed. by A. Sarat and T.R. Kearns. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1999. P. 2–3.

[90] Darder, A. and Torres, R. *After Race: an Introduction* // *After Race: Racism after Multiculturalism*. New York; London: New York University Press, 2004. P.16-20.

[91] Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Модест Колеров и Дом интеллектуальной книги, 2001. С.55, 163; Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С.67-95.

[92] Радтке Ф.-О. Между дерегуляцией и дискриминацией. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией // *Миграция и национальное государство*. СПб., 2004. С. 198–200.

[93] Малахов В. Указ.соч. С.163.

[94] See. *Culture and Rights: Anthropological Perspectives* / ed. by Jane K. Cowan, Marie-Bénédicte Dembour, and Richard A. Wilson. Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2001.

[95] Taylor, Ch. The Politics of Recognition // *Multiculturalism. Examining the Politics of Recognition* / Ed. by A. Gutmann. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. P. 25–73 (первое издание в 1992 г.).

[96] Kymlicka, W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Clarendon Press, 1995; Kymlicka, W. *Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe* // *Can Liberal Pluralism Be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe* / Ed. by W. Kymlicka & M. Opalski. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2001. P. 13–105.

[97] Kallen, E. Op.cit.

[98] Политика, затрагивающая иммигрантские группы, обозначается по-другому и, как правило, отделяется от проблематики меньшинств.

[99] See. Pentassuglia, G. *Minorities in International Law*. Strasbourg: Council of Europe, 2002. P.28.

[100] Tully, J. Introduction // *Multinational Democracies* / ed. by Alain-G. Gagnon, James Tully. New York: Cambridge University Press, 2001. P.1-33; Gagnon, A.-G. The moral foundation of asymmetrical federalism: a normative exploration of the case of Quebec and Canada // *Ibid.* P. 319-337; Arshi Khan. Minority Rights and Liberal Neutrality: Identity Consciousness and Marginalisation of the Minority Groups // *Nation and Minorities: India's Plural Society and its Constituents* / Ed. by A. Majeed. New Delhi: Kanishka Publishers Distributors, 2002. P. 30–58.

[101] О критике таких подходов подробнее см. Hastrup, K. Collective Cultural Rights: Part of the Solution or Part of the Problem? // *Legal Cultures and Human Rights: the Challenge of Diversity* / ed. by Kirsten Hastrup. The Hague: Kluwer Law International, 2001. P.169-188.

[102] Henrard, K. Devising an Adequate System of Minority Protection: Individual Human Rights, Minority Rights, and the Right to Self-determination. The Hague ; Boston: M. Nijhoff, 2000. P. 306-314.

[103] Discussion Paper on a *UNDP Policy Note on Minorities*. Prepared by Minority Rights Group International. October 2003. L.: MRG(I), 2003. P. 7–10.

[104] Political Theory and the Rights of Indigenous Peoples. / Ed. by Duncan Ivison, Paul Patton, Will Sanders. New York : Cambridge University Press, 2000.

[105] Inglis, Ch. Multiculturalism: New Policy Responses to Diversity. Paris: UNESCO, 1996. P.64.

[106] Kymlicka, W. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe.

[107] Еще в начале 1990-х годов Ф.-О. Радтке, а следом за ним и другие исследователи получили все основания утверждать, что в целом мультикультурализм становится новой формой национализма. – см. Radtke, F.-O. Multikulturalismus. Ein postmoderner Nachfahre des Nationalismus // *Vorgänge*. 1992. Bd. 31. No 3. S. 23–30.

[108] Horak, S. Eastern European National Minorities, 1919/1980: A Handbook. Littleton, Colo.: Libraries Unlimited, 1985; Левин И.Д. Национальный вопрос в послевоенной Европе. М.: Коммунистическая академия, Институт советского строительства и права, 1934.

[109] Обзор приведен в: Осипов А.Г. Общественная дискуссия в России о равенстве независимо от этнической принадлежности: содержание и основные направления // Проблемы дискриминации граждан по национальному признаку и деятельность правоохранительных органов в современной России. Нижний Новгород: МВД РФ, Нижегородская Академия, 2006. С.72-92.

[110] Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т.24. С.113-150; он же. Рабочий класс и национальный вопрос // Полн. собр. соч. Т.23. С.149-150.

[111] Hirsch, F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005; Martin, T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca; London: Cornell University Press, 2001.

[112] Гольшев В. Разжигание. Агентство политических новостей. 2006. 4 апреля. <http://www.apn.ru/publications/article1856.htm>; Святенков П. Призрак национализма //

Взгляд. 2006. 24 апреля. <http://www.vz.ru/columns/top/>; В бывшем царстве, многонациональном государстве... Круглый стол «ЛПГ» // Литературная газета. 2007. № 22–23.

[113] Калинина Ю. Покорение Кавказом-2 // Московский Комсомолец. 2001. 9 августа; она же. Мир, дружба, жвачка. Кто и как у нас занимается «кавказской проблемой»? // Московский Комсомолец. 2001. 1 ноября.

[114] См. напр.: Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003; Филиппов В.Р. Критика этнического федерализма. М.: Российская академия наук, Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.

[115] См., напр.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Автор проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Academia, 2002.

[116] Основы национальных и федеративных отношений. М.: Изд. РАГС, 2001. С. 100–101.

[117] Делягин М. Предостережь от соучастия. Агентство политических новостей. 2006. 18 апреля. <http://www.apn.ru/publications/article1888.htm>; Гольшев В. Указ. соч.

[118] Соколов-Митрич Д. Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчики. М.: Эксмо-пресс, 2007.

[119] Свиначенко И. Гастарбайтер против русичей: 100000 против 5000 // Газета.ру. 2007. 21 июня. <http://www.gazeta.ru/column/svinarenko/1831787.shtml>.

[120] Андрусенко Л. Русский вопрос для президента // Независимая газета. 2000. 8 апреля; Паин Э. Этнические проблемы в полиэтничном обществе // Профессионалы за сотрудничество. Вып. 4. М.: РОО «Кеннан», 2000. С. 55-56.

[121] Бабуркин С.А. Права этнических меньшинств и права этнического большинства в современной России // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. Материалы международного научно-практического симпозиума, 8-9 июля 2004 г.. СПб.: Норма, 2005. С. 214-224.

[122] Дискуссия // Там же. С.224-225.

[123] Олимпиева И. Фоновая коррупция в сфере малого и среднего бизнеса: «оружие слабых»? // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции. СПб.: Алетейя, 2007. С. 213-230.

[124] Седлениекс К. Параллель между Латвией и азанде: коррупция как колдовство в латвийском обществе переходного периода // Борьба с ветряными мельницами? С.191-212.